

НА ПЕРВЫЙ взгляд может показаться, что есть какая-то загадка в том огромном зрительском успехе, с каким проходят во Дворце культуры имени Ленсовета гастроли Московского театра имени Евг. Вахтангова. Партер, амфитеатр, бельэтаж, даже оркестровая яма заполнены зрителями. После спектакля — овации, цветы, вызовы актеров...

Чем объяснить этот успех? Может быть, каким-то совершенно особым репертуаром? Отнюдь. Пьесы, за исключением «Коронации» Л. Зорина, все известные, показанные на сценах ленинградских театров либо гастролями коллективами. Может быть, они отмечены незаурядным режиссерским истолкованием, оригинальными поисками в решении пластического образа спектакля? Пожалуй, и этого нет. Мы видим здесь добротную, грамотную режиссуру, можно добавить — без глубоких озарений в раскрытии концепции пьесы, без постановочного блеска и более всего, интереснее всего проявляющую себя в работе с актерами.

Актерский коллектив, в котором есть выдающиеся мастера, — вот что привлекает зрительский интерес. А если учесть еще то обстоятельство, что природа вахтанговского актера особая, что в ней сильна струя развлекательности, зрелищности, подчас парадоксальности

НА СЦЕНЕ —
ГОСТИ

ЗВУЧНОСТЬ АКТЕРСКИХ РАБОТ

внешнего сценического рисунка, что актерские соло, дуэты и трио иногда превращаются в маленькие спектакли-дивертисменты, разыгрываемые внутри представления, то, возможно, и объяснима станет отчасти причина успеха традиционного театра и обыкновенных, с профессиональной точки зрения, спектаклей.

О некоторых актерских работах в спектаклях «Коронация», поставленном Е. Симоновым, и «На всякого мудреца довольно простоты» (режиссер А. Ремизова) хочется рассказать.

Главный герой «Коронации» Сергей Петрович Камшатов, крупный ученый-историк с мировым именем, под разными предлогами упорно отказывается ехать на празднование своего юбилея — восьмидесятилетия. Все — родственники, знакомые, друзья — уговаривают, уламывают, убеждают в необходимости совершить этот шаг. Из разных соображений, преимущественно сугубо утилитарных. Через это событие, в сущности, и проявляются отношения и взгляды остальных героев спектакля. А среди них особую напряженную, постоянно вибрирующую духовной жизнью выделяется правнучка Камшатова Аня — девушка, страдающая актерских

лавров и терний. Аню играет Ю. Борисова, Сергея Петровича — Н. Плотников.

В спектакле эти роли как бы соотнесены, а исполнители дают нам возможность почувствовать странно волнующую прелесть этого союза. Стоящий в закатных лучах жизни «прашур» в простой ситцевой косоворотке, распахнутой на шею, и холщовом переднике, а рядом — своенравный побег совсем молодой жизни, где все впервые: и выбор профессии, и какой быть, и кого любить... Разница в возрасте не мешает им понимать друг друга. Какое-то вслух не высказываемое, но всей логикой поступков выраженное единство нравственных ориентиров, единство ощущения жизни объединяет их, а не только родственные узы.

Оттого-то почти плачущий старик гневно раскинет руки в стороны, как бы отстраняясь от карьеризма правнука и слепыми движениями потянется в сторону Ани. Оттого и она в трудные для себя минуты доверчиво высказывается «деду». В эти моменты, когда сплетаются в диалоге два голоса, ведущие каждый свою мелодию и тему, один — басовито-мягкий, чуть надтреснутый, неторопливый, а другой — как внезапный порыв стра-

сти, хрипло-гортанный с молодой звенью, когда они слушают друг друга или молчат, когда налитой горячей весенней живостью взгляд Ани словно бы окунается в ледяной, много повидавший на своем веку прищур «деда», — здесь, в этих кратких мгновениях, спектакль берет свои самые чистые лирические ноты.

Играя восьмидесятилетнего ученого, Н. Плотников подчеркивает его духовное здоровье: любит спорить с молодыми, двигаться, постоянно что-то делать... Этот мудрый человек жив каким-то выстрадаанным оптимизмом. Потому столь значителен и прекрасен его большой последний монолог, звучащий как личное признание актера.

И что любопытно, та же тема бесконечной влюбленности в жизнь проходит у Н. Плотникова в диаметрально противоположной работе — роли Крутицкого в спектакле «На всякого мудреца...» Правда, она обнаруживает себя в парадоксально нелепых, алогичных формах — и неожиданно, и смешно. Видимость внушительности старика поддерживается лишь казенным мундиром с блестящими пуговицами и галунами. Это — человек в распадае. С яростным блеском сы-

грانا актером частная, интимная биография персонажа. Его маслянистые, постепенно разгорающиеся плотоядным огоньком глаза, выпяченная нижняя губа из-под длинных седых усов, розовеющий от удовольствия нос, его старчески неловкие, судорожные движения, когда Крутицкий пытается обнять свою старинную приятельницу Турусину, не оставляют никаких сомнений как о его прошлом, так и о нынешней, непереносимой для него несоразмерности желаний и возможностей.

Несколько приглушеннее звучит в исполнении Н. Плотникова общественно-обличительный смысл ретроградства крутицких, существенный для пьесы Островского. Надо заметить, что для постановки вообще характерно это смещение социально-заостренной проблематики «Мудреца» в область комедии нравов. Даже великолепный гротеск Н. Гриценко в роли Мамаева не простирается дальше индивидуальных черт характера. Но эта роль, как и роли Глухова и Мамаевой, созданные Ю. Яковлевым и Л. Максаковой, сделаны с отточенным и виртуозным мастерством.

В звучности актерских работ зритель с полным на то основанием видит искусство актерского театра, продемонстрированное им на этих спектаклях.